

ГОРА

Владимир Анатольевич Пахомов родился в 1948 году в России. В 1971 году окончил геологический факультет ДВПИ (Владивосток). Работал на Западной Чукотке и Центральной Колыме геологом, начальником партии, главным геологом экспедиции, а также в ряде американских компаний в России, на Украине, в ближнем и дальнем зарубежье. Печатался в журналах "Сибирские огни", "День и Ночь", "Вертикаль". Автор книги "Тени Тундры". В 1998 году эмигрировал в США. Живёт в н. Спенсер на севере штата Нью-Йорк.

*Ну как же тебе рассказать,
что такое Гора?
Гора – это небо, покрытое
камнем и снегом.*

Ю.Визбор

За 2 дня и 8 часов до трагедии

Мы стоим перед Горой во время короткой передышки перед первым промежуточным лагерем.

Надсадное, тяжёлое дыхание людей, который час на лыжах преодолевающих крутой подъём, смешивается со свистом низовой метели, почти сразу зализывающей следы. Да-да, не заметающей, а именно зализывающей жадными голодными языками каких-то неведомых животных. Струйки горячего пота буквально прожигают немытые молодые, сильные тела под насквозь пропотевшей одеждой, иногда он зависает на бровях мутными солёными каплями.

На протяжении нескольких часов я вижу только спины впереди идущих; взял и откинул капюшон куртки — и тут же замер, ошеломлённый открывшейся передо мной картиной. Гора оказалась совершенно непохожей на виды открыток с белым конусом на фоне голубого неба, даже совсем не такой, какую я видел на вулканостанции.

Склон обрушился на меня невероятно низким небом, состоящим из снега, камней и пугающе близких облаков. Что-то равнодушно взирающее и вместе с тем угрожающее таилось в глубинах бесчисленных кулуаров, изрезавших склон и переходящих в каменные гребни, торчащие, как чёрные обломанные резцы огромных злобных хищников.

Мне почудилось, что в свист ветра вплетается едва различимый шёпот, вселяющий неясную тревогу, какое-то ничем не объяснимое предчувствие, уже не оставлявшее меня впоследствии.

Тогда я ещё не понял, что это был голос Горы.

От автора

Эта повесть основана на реальных событиях и исключительно личных впечатлениях автора, принимавшего участие в зимнем восхождении на вулкан Ключевской* (Камчатка) в феврале 1970 года. Описанные в жанре хроники события фрагментарно вошли

в повесть А. Димарова «Вершина» (журнал «Знамя», № 5, 1986) и документальные очерки одного из участников восхождения В. Дахина «Трагедия» (2012) и Ю. Берсеньева (Записки Географического Общества, Приморский край, 2020).

Многое из уже написанного, несмотря на документальность, показалось мне не совсем точным и отчасти субъективным, граничащим с неприкрытой предвзятостью. Поэтому возникло желание в хроникально-художественной форме изложить моё собственное видение событий тех далёких лет.

Основой хроники послужил сохранившийся уникальный документ — мой сухой, бесстрастный рассказ, записанный 24 февраля 1970 года (пятьдесят с лишним лет назад!) и напечатанный на разбитой пишущей машинке в присутствии свидетелей.

Почему я выбрал ключевым в достаточной степени затёртое слово — трагедия? Я надеюсь, уважаемый читатель, вы найдёте ответ на этот вопрос, если дочитаете до конца моё видение того незабываемого восхождения.

Двумя неделями ранее

Зачем люди ходят в горы? Только не потому, что они обожают горы, и уж совсем не потому, что среди них есть и такие, которые предпочитают любоваться горами со смотровых площадок

или с живописных зелёных долин, борта самолёта и корабля.

На мой взгляд, есть две группы покорителей гор.

Первая (и самая надёжная) — те, кто решил доказать, в первую очередь самому себе, что он может ЭТО, одержать в горах победу над собственными страхами и сомнениями, нередко в надежде именно там обрести настоящих верных друзей. Впоследствии многие из них заболевают горами — одной из трудноизлечимых болезней души. Один из моих знакомых альпинистов, лёжа в больнице после очередной травмы, в сердцах изрёк: «Доктор! Если я не смогу ходить в горы, пусть лучше я вообще не смогу ходить!»

Вторая группа альпинистов — те, кто пытается (как правило, тщетно) доказать любимой девушке, друзьям и просто знакомым, что не хуже, а даже лучше других, им важно подобным поступком подчеркнуть собственное превосходство. Именно эти горе-альпинисты часто непредсказуемы и в большинстве своём создают проблемы при восхождениях — как себе, так и окружающим. Как правило, они ходят в горы эпизодически, но любят рассказывать об этом — в надежде произвести неизгладимое впечатление на окружающих.

Есть ещё и третья (неосновная) группа, это люди с ярко выраженным авантюрным характером. Обычно им хватает одного восхождения, как порции постоянно необходимого адреналина.

Откровения бывалого альпиниста

Парня в горы тяни — рискни!

В. Высоцкий

Хочу представиться — Владимир, студент 4 курса геологического факультета ДВПИ, город Владивосток. Фамилия моя — Пахомов, может, слышали? Ну, она станет известной значительно позднее, да и то только в определённых кругах.

Студенты конца 60-х... Как мы были не похожи на все последующие поколения! Объединённые в сообщества, связанные интересами и пристрастиями, мы представляли собой целый пласт жизни, отличавшийся несокрушимой верой в будущее, особой чистотой отношений и дружбой, которую многие пронесли через года.

Мы, как на праздник, шли на все демонстрации (7 ноября и 1 мая), «гусарили» (пили дешёвое вино, играли в карты) с неудержимым бесшабашным весельем, пели под гитару песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора и свои студенческие. Подрабатывали на разгрузке вагонов и грузили корабли, работали по ночам в кочегарках (я даже был делегатом городского слёта кочегаров), робко и неумело ухаживали за девочками. Касаясь последнего, я знал не одного однокурсника, который к 5 курсу ни разу не поцеловал девушку! Вы можете себе это представить? Мы выросли на фильмах и книгах, в которых добро всегда побеждало

зло, писали плохие и не совсем плохие стихи и песни, мечтали о дальних странах, но обязательно с возвращением на единственно любимую родину. Кто бы сказал мне тогда, что через много лет эти строки я буду писать в другой стране...

Обладая весьма заурядной внешностью и щедедушным телосложением, я пытался (и не без успеха) компенсировать данное от природы усиленным занятием спортом: лёгкая атлетика, лыжи, футбол, бокс, фехтование! Но кто бы знал, как иногда не хотелось вечером тащиться через дождливый сумеречный город на тренировку.

Конец зимней сессии — и впереди каникулы! Вернувшись с главпочтамта, где отбил родителям лаконичную (что расписывать-то) телеграмму «Сессию сдал, вылетаю домой», в прекрасном расположении духа я брёл по коридору общежития. И вдруг, мгновенно отреагировав на лёгкое похлопывание по плечу, я резко обернулся посмотреть, кто это меня отвлекает.

— Анатолий?

Мы были едва знакомы, парень учился в параллельной группе, был старше меня и, кажется, руководил группой однокурсников, которые увлекались спелеологией и альпинизмом. Ребят я этих, конечно, знал, но в то время (да и, честно говоря, впоследствии тоже) это были просто знакомые.

— Привет, Володя! Ты вроде лыжами занимался...

Пытаясь придать внушительность фигуре, тем не менее, сдержанно я ответил:

— Ну, вообще-то первый разряд имею, а что?

В этот же вечер я согласился принять участие в увлекательной прогулке (так мне казалось тогда) по Камчатке в составе группы альпинистов, конечная цель которой — первое в истории зимнее восхождение на высочайший вулкан Евразии — Ключевской (около 4800 метров). Прошло столько лет, но я и сейчас не могу понять, почему я согласился. Судите сами: с этими ребятами у меня не было даже дружеских отношений, остальных участников группы я вообще не знал. Мои представления об альпинизме базировались на фильме «Вертикаль», и слова «страховка», «ледоруб», «крючья» звучали как таинственная музыка. Кроме того, в нашем кругу бытовало устойчиво негативное отношение к туризму вообще, да и, честно говоря, к спелеологии тоже. Скорее всего, это было проявление моего тяготения к авантюризму, не раз впоследствии проявившегося в сложнейших жизненных ситуациях.

В мои обязанности входила подготовка лыж, установка креплений, инструктаж и т. д. Вопросы возникли с самого начала. Мне нужно было поставить на туристические лыжи обычные

неутеплённые лыжные ботинки на жёстких креплениях. Для катания, скоростного бега и прогулок это было весьма приемлемо, но когда я узнал, что группе предстоит пройти по бездорожью километров 80, да с грузом, да при минус 30, я как-то засомневался, что ли... Но зная, что руководители — люди опытные, я быстро отогнал копошащиеся в душе сомнения. Меня также не то чтобы насторожило, скорее, удивило, что никто не спросил о наличии у меня соответствующей одежды и обуви.

Как оказалось впоследствии, все мои сомнения и опасения были не напрасны.

8 дней и 2 часа до трагедии

Аэропорт Озёрные Ключи, город Владивосток. Здесь я впервые встретился со всей группой, весьма разношёрстной как по составу, так и по возрасту.

Трое ребят с нашего курса: Анатолий Скригитиль, Виктор Дахин и Володя Берсенев — уже имели опыт восхождений, в том числе (правда, летом) и на Ключевской вулкан.

Володя Берсенев... Из всего нашего курса он был самым одарённым. Сын известнейшего геолога, будущего доктора наук и автора тома «Геология СССР. Приморский край», он с завидной лёгкостью разгрызал самый твёрдый гранит науки, нередко приводя в замешательство, а

иногда и просто перебивая преподавателей на лекциях.

На базе серьёзного увлечения альпинизмом и спелеологией Володе, безусловно, обладавшему качествами лидера, удалось объединить группу единомышленников и, как мне тогда казалось, друзей. Но уже после моего первого и в достаточной мере тесного общения я убедился в справедливости старого, как мир, постулата: «В любого вида дружбе дружит только один, а второй позволяет с собой дружить».

Говорить Берсенев старался весомо, ломающимся баском, держась с заметным оттенком превосходства, что можно было бы легко списать на юношеский максимализм, если бы не выраженная (безусловно, унаследованная от отца) нетерпимость к любому мнению, кроме его собственного.

Виктор Дахин — невысокий, темноволосый, немногословный и очень надёжный. Не обладая заметными (в том числе и организаторскими) способностями, находился в тени своих кумиров Володи Берсенева и Анатолия Скригитиля, был непременным участником всех походов, посещения пещер и восхождений.

Руководителем группы был самый опытный в её составе — Виктор Якубенко. Прочно и, видимо, давно закрепившееся за ним прозвище Капитан как нельзя лучше подходило к его ладной, невысокой и с первого

взгляда внушающей ощущение надёжности фигуре. Умные, пронзительные глаза, светлые, с выраженными залысинами, волосы. Мы сразу почувствовали взаимную симпатию, которую сохранили после трагических событий на протяжении нескольких лет.

Анатолий Скригитиль — второй руководитель группы. Фанат альпинизма в самом лучшем смысле. Невысокого роста, худощавый, он производил впечатление атлета, состоящего из костей и стальных мышц. Узкое лицо, нередко с заметной чёрной щетиной, с монголоидным разрезом щёк, изучающих собеседника тёмных глаз.

Валерий Коробков — моторист, водолаз, невысокий, крепкий, немногословный и в целом надёжный, как весь Приморский флот.

Серёжа Лобанов — кинооператор, который должен был снять фильм о восхождении для Приморского телевидения, открытый для общения, неунывающий весельчак, несомненно, душа любой компании. Он, как и я, не имел никакого понятия об альпинизме, но принять участие в экспедиции согласился сразу, без уговоров. Необычные и иногда суровые обстоятельства часто обнажают истинную суть таких людей, срывая тщательно оберегаемую маску (что мне не раз впоследствии приходилось наблюдать), но Сергею в полной мере удалось сохранить в ходе

экспедиции все лучшие свои качества.

Последним участником группы был лейтенант Советской Армии Павел Павлов. Не скажу, что он мне сразу не понравился, но что-то было в нём какое-то ненастоящее, что ли... Это очень трудно порой выразить словами, но его мешковатая (ну, не для армии) фигура, подчас неуловимый взгляд глубоко посаженных глаз за поблёскивающими стёклами очков и почти всегда полупонасмешливый тенорок создавали именно это впечатление. И оно не оказалось ошибочным...

Примечательно, что никто из всей группы не занимался спортом регулярно (ну, они все, конечно, считали достаточно редкие походы в пещеры и ещё более редкие восхождения самым главным спортом) и что все они всегда относились к людям, непричастным к этому, с оттенком снисходительного превосходства.

Ровно 6 дней до трагедии

Провинциальная гостиница в посёлке Ключи. Номер (комната) на 4 кровати, все удобства в конце коридора, но в кафе, обставленном со спартанской роскошью и гордо именуемом рестораном, еда оказалась на удивление вкусной и по вполне приемлемым ценам.

Весь день и до позднего вечера занимались подгонкой снаряжения, укладкой рюкзаков.

Разумеется, храня молчание (мой номер во втором десятке), я с недоумением и скрытой тревогой отметил, что вся подготовка к восхождению носила, как бы это помягче выразиться, беспорядочно-торопливый характер. Об этом красноречиво свидетельствовало следующее:

— в оставленных лишних вещах оказались кеды (!!!), это зимой-то — и множество других мелких, абсолютно ненужных предметов быта, захваченных с собой как бы впопыхах;

— часть основного снаряжения (ледорубы, трикони*) была получена в последний момент в Петропавловске;

— подробности маршрута до Ключевской (около 75 километров бездорожья) узнали только сегодня вечером;

— туристические лёгкие спальные мешки, конечно, годились для лыжного похода, но для восхождения при температуре ниже минус 30 (я ещё не мог знать, что температура наверху будет минус 50 и с сильным ветром) вряд ли были пригодны, правда, как я узнал позже, спальный мешок Берсеньева был пуховый;

— в одежде преобладали брезентовые штормовки и свитера (у многих не шерстяные), у некоторых — куртки на искусственном меху;

— рации не было.

Осознание этого произошло позже. Отсутствие серьёзной подготовки к экспедиции было непростительно. Горы наказывают

за подобное легкомыслие. Нам предстояло понять и пережить это очень скоро.

Из положительного следует отметить:

— лицевые маски и удобные бахилы;

— очень хороший по тем временам набор продуктов: кофе, колбаса, печенье, сгущённое молоко;

— и, безусловно, позитивный общий настрой всех участников экспедиции.

3 дня и 6 часов до трагедии

Пришли на вулканостанцию Апахончич у подножия Горы. Добротный бревенчатый дом, несколько полузамётённых снегом сараев. Хозяева — вулканолог Фешин и рабочий, он же каюр — встретили нас дружелюбно, а собачьи упряжки — весёлым дружным лаем.

После трёхдневного лыжного перехода свинцовая усталость валила с ног, и, вежливо отказавшись от предложенной (столь необходимой) бани, мы повалились спать на наспех постеленных на полу спальных мешках.

Особенно вымотал последний переход после ночёвки в дымной, рассчитанной на трёх человек землянке при полном отсутствии дров (к ночи выяснилось, что проржавевшая труба была полностью забита снегом).

Я и Берсенев ночевали на снегу перед землянкой в найденных грязных и невероятно

воночиx кукуляx* с комками свалывшейся шерсти внутри, так что утром мы оба имели весьма непрезентабельный и даже несколько комичный вид, что вызвало при нашем появлении дружный хохот и подняло настроение после плохого ночлега.

В первый же день стало понятно, что ходить (именно ходить, а не передвигаться) на лыжах практически никто не умеет. Конечно, сказалось отсутствие навыков лыжных походов, но, честно говоря, я ожидал большего от Берсеньева и Дахина — опытных туристов, которые уставали чаще, чем я мог предположить.

Водолаз, Оператор и Лейтенант, по большому счёту, были просто обузой на этом этапе экспедиции. Капитан и Анатолий Скригитиль преодолевали трудности передвижения почти исключительно на волевых качествах, безмолвно подавая пример остальным. Добавьте к этому рыхлый, проваливающийся выше колена снег под тяжестью рюкзаков, пугающе безлюдные лавовые поля, равнодушное однообразие которых подчёркивалось редкими, причудливо изогнутыми, низко склонившимися, как в безмолвном поклоне, корявыми берёзками.

«Как заброшенное кладбище», — подумал я однажды, прокладывая в порядке очерёдности (в силу опытности мне приходилось это делать чаще других) лыжню.

К великому сожалению, при-

шлось также признать, что припусы «Шмель» (не самая удачная копия австрийских «Febus») оказались капризными и часто неожиданно давали «факелы». Зато поздно вечером и ночью мы наблюдали картину, забыть которую просто невозможно! Горизонт в направлении нашего движения являл собой багровое зарево, разрываемое яркими фонтанами огня со звуками, напоминающими орудийную канонаду. Позже оказалось, что нам посчастливилось наблюдать извержение вулкана Безымянный. «Как линия фронта в военном кино», — подумал я, и вся наша группа вдруг представилась мне разведотрядом, выполняющим важное секретное задание.

Несмотря на все трудности перехода, мы не то чтобы сдружились, а как бы попритёрлись друг к другу, незаметно сглаживая шероховатости и трения, неизбежные для любого сообщества различных по характеру людей, волею судеб ограниченных тесными пространственно-временными рамками общения. Уже не резали слух и даже казались забавными казарменные шутки и ветхозаветные анекдоты Лейтенанта, давно махнувшего рукой на критику.

Капитан оказался знатоком японской поэзии. Запомнилось:

*Глядеть на пламя свечи
со старым другом —
Какая награда для усталого
путника...*

Или:

Снег. Равнины.

Только крик тишины...

Тем не менее, уже не в первый для себя раз я обнаружил, что контактные виды спорта помогли мне безошибочно определять реакцию и даже внутренний настрой окружающих людей. К тому времени я уже не раз ночевал в лесу один возле костра, слушая и мысленно (а иногда и вслух) общаясь с природой. Может быть, именно это позволило мне впоследствии слышать голос Горы?

Разношёрстность состава группы, которую я заметил ещё в аэропорту Владивостока, чётко выявилась во время похода и только укрепила моё мнение о том, что команды в полном понимании этого слова нет и, видимо, не будет.

Меня, Оператора и Лейтенанта (да и Капитана, по большому счёту, тоже) совершенно не интересовали разговоры о пещерах, а Дахин и Берсеньев вообще общались особняком. Берсеньев явно демонстрировал нарочитое безразличие по поводу утраты привычной ему роли лидера. А может, из-за сильного переутомления, связанного с экспедицией, предшествующей нашей (по словам Дахина), ему действительно было всё равно?

Явный дискомфорт ощущал и Лейтенант, не находивший общих тем для разговора. Капитан

по мере возможности пытался изменить микроклимат в коллективе, но без особых успехов. Анатолий, по причине высокой требовательности к себе, немногословности и некоторой замкнутости характера вообще не тянул на роль лидера.

В сумерках из окон вулканостанции стали ближе и хорошо различимы выбросы раскалённых вулканических бомб*, напоминающие красные ракеты — сигналы к атаке. Просыпаясь ночью, я видел прямо перед собой на стене вспыхивающие надписи, озаряющие спящих на полу товарищей неверным красным светом: «Внимание! Землетрясение!»

И я (да и, наверное, не только я) чувствовал какое-то волнение, смешанное с беспокойством и предчувствием встречи с чем-то новым.

«Как солдат перед боем...» — подумал я и заснул.

2 дня и 7 часов до трагедии

Высота 2200 м. Первый промежуточный лагерь. Слабая низовая метель.

Накануне вечером я случайно услышал обрывки разговора между Анатолием и Капитаном. Первый, мне показалось, настаивал на дне отдыха, но Капитан был непреклонен. Аргументов я, к сожалению, не расслышал.

Больше никто тему возможного отдыха не затрагивал.

Ранним утром, выйдя из дома и с наслаждением вдохнув морозный воздух, я впервые увидел Гору. Она показалась мне не такой красивой, как на открытках или фотографиях. Но ослепительно-белый, почти правильный конус с теряющейся в облаках вершиной на фоне голубого неба, рассеянного лучами утреннего солнца, выглядел впечатляюще.

После раннего подъёма и завтрака почти целый день шли на лыжах вверх и вверх, выбирая места, по мере возможности, без снежных наддувов.

Все устали, сказывались вес рюкзаков и отсутствие навыков подъёма на лыжах по склону, что требовало больших усилий при работе палками. Заметно отставали Дахин, Оператор и Берсенев. Единственной пиллой-ножовкой, предусмотрительно купленной Дахиным во Владивостоке, выпилили в плотном снегу площадку и установили две палатки. Рация, которую мы взяли на вулканостанции, не работала, или мы просто не смогли её настроить, но это как-то не отразилось на общем настроении.

В сгущающихся сумерках Гора сквозь снег выглядела ещё более неприветливо, шевеля бровями низких облаков, несмотря на то, что метель сгладила морщины кулуаров. Уже заметно ощутимый подземный гул напоминал временами рычание огромного зверя.

1 день и 8 часов до трагедии

*Вот это для мужчин –
Рюкзак и ледоруб...*

Ю. Визбор

7 часов утра. Подъём, завтрак. Холодно, пронизывающий ветер со снегом.

Пробовали продолжить подъём на лыжах, но через 2 часа, изрядно намучившись и устав, выбрали, на наш взгляд, приметный скальный гребень и оставили лыжи, составив их в пирамиду. Оглянувшись в последний раз, я вдруг ощутил со вновь проснувшимся чувством неосознанной тревоги, что пирамида напоминает надгробный памятник.

Старались придерживаться скал, так как подъём по фирну* давался значительно труднее, шли в целом дружно, на этот раз без отстающих. Оператор, постоянно ругая камеру и плёнку, снимал общий и крупный план.

На высоте примерно 3300 метров Капитан решил поставить штурмовой лагерь, чтобы утром налегке завершить восхождение.

Как выяснилось позже, было сразу совершено две роковые ошибки.

Первая — ещё было достаточно времени подняться выше и установить лагерь на высоте около 3700-3900 метров. Более опытные участники группы, конечно, понимали это, но возражений не последовало. Позднее

по этому поводу Капитан давал следующие объяснения: нужно дать больше времени для отдыха перед штурмом, ухудшалась погода, с ней наступала плохая видимость.

Вторая ошибка — поставить лагерь в глубоком закрытом кулуаре на фоне, как нам казалось сквозь снег, весьма приметного скального гребня. Температура воздуха была явно ниже, чем на первом лагере, что в сочетании с ветром и колючим, слепящим снегом не создавало минимальных комфортных условий.

Потратив массу времени и сил, выпилили в фирне высокую П-образную стенку, за которой поставили две палатки; высота стенки тоже позже сыграла с нами злую шутку. Берсенев и Дахин (всё заметнее общаясь особняком), несмотря на запрещение Капитана, вырыли для себя пещеру и (забегая вперёд) ночевали в ней. По их словам, в пещере было теплее и уютнее, чем в палатке.

Ещё на первом лагере было решено, что я не пойду на штурм вершины. Как выяснилось, это касалось и Оператора, так как камера и плёнка при низкой температуре уже не работали. Тем неожиданнее оказался для меня разговор с Капитаном сразу после обеда. После дежурных вопросов о самочувствии он вдруг спросил: «А есть желание подняться на горку, а?»

И опять, я уверен, присущий мне авантюризм перевесил здравый смысл и элементарное чувство

самосохранения. Сергей, в отличие от меня, колебался. Последние сомнения его были развеяны приведённой Капитаном цитатой из кодекса самурая: «Человек, не достигший цели, не достоин права жить!»

Я до сих пор мучаюсь вопросами: почему он, альпинист со стажем, за плечами которого были Кавказ и Тянь-Шань, предложил это нам, не имеющим даже малейшего опыта? Почему мы всё-таки согласились? Почему опять же никто не возразил? Это была обоюдная ошибка, как одно из звеньев в длинной цепи событий, неотвратимо приближавших трагедию.

Много позже я узнал, что Капитан два раза руководил группами альпинистов с несчастными случаями со смертельным исходом, был оба раза дисквалифицирован, как говорится, до нуля и снова и снова покорял вершины, подымаясь по ступеням спортивной лестницы.

Большую часть вечера он инструктировал нас, как вести себя на ледовом склоне, пользоваться ледорубом, многократно учил делать грудную обвязку страховочной верёвки. Перед сном он объявил всем, что мы включены в группу на восхождение.

Не спали долго; шутили, смеялись, вспоминая забавные случаи. Вынужден признаться, что в глубине души я, конечно же, мечтал о восхождении, но сам никогда бы не решился попросить об этом.

И вот завтра я первый раз пойду в связке с ледорубом и рюкзаком! Невероятно! Я боялся только одного — стать помехой ребятам завершить восхождение.

Исчезли все тревожные мысли, и я (наверное, с улыбкой на лице) уснул.

Проснулся я ещё затемно, от холода попытался подтянуть ближе колени — не вышло. Судя по всему, остальные уже не спали тоже, но лежали молча, дожидаясь утра.

9 часов до трагедии

Здесь вам не равнина...

В. Высоцкий

7 часов утра. Предрассветные сумерки, облачно, очень холодно.

После плотного завтрака (омлет с колбасой, кофе, печенье) Капитан приказал надеть всё самое тёплое, переобуться в трико-ни*.

По непонятным причинам Берсеньев оставил в пещере толстый шерстяной свитер и лыжные брюки, которые почему-то спрятал в спальный мешок. Куртку с заячьим мехом положил под спальный мешок. Была ли это самоуверенность «бывалого» альпиниста или присущая ему особенность полагаться только на своё мнение — трудно сказать.

Попробую высказать ещё одну причину — неадекватность этого

поведения можно объяснить уже проявившимися симптомами горной болезни: ослабленностью организма и сильнейшим переутомлением. Впоследствии оказалось, что он не хотел ехать в эту экспедицию, но решил, по его словам, не подводить товарищей.

По тем же непонятным причинам выполнение приказа Капитана (надеть самое тёплое) никто не проконтролировал.

Перед самым подъёмом я хвастливо-торжествуя помахал ледорубом Горе, и она ответила, сбросив шапку-снеговик с плоского скального останца, будто говоря: «Ну, это мы ещё посмотрим...»

Прошли примерно 200 м по фирну до границы сплошного натечного льда. Крутизна склона заметно увеличилась до 40-45 градусов.

Капитан приказал всем надеть кошки* и образовал связки*.

Первая: Капитан, Валерий (Водолаз), Оператор.

Вторая: Анатолий, Дахин.

Третья: Берсеньев, я и Лейтенант.

Я нёс рюкзак, в котором были термос с кофе, три пачки печенья, два круга колбасы, конфеты. Второй рюкзак с термосом кофе, продуктами и аптечкой нёс Анатолий. Шли молча, да и сильный мороз, предположительно около минус 50 в сочетании со слабым, но устойчивым ветром, не позволял даже на минуту поднять с лица уже

обледенелые маски. К тому же подземный гул становился всё сильнее, заглушая остальные звуки.

Сначала темп движения замедлила первая связка; у Оператора возникли проблемы с дыханием, как следствие гипоксии* — горной болезни; затем остановилась вторая связка. Позже я узнал, что Дахин, потеряв концентрацию движений, выронил ледоруб, вызвав крайнее раздражение Анатолия.

Эти две незапланированные остановки дорого нам обошлись, и если Оператор впервые столкнулся с гипоксией, то в случае с Дахиным, уже имевшим опыт восхождений, сказала просто слабая (в этот раз) физическая подготовка. Не зря Серёжа сомневался, идти или нет, а Дахин и в лыжном переходе всё время отставал, силёнок не хватало, наверное.

Наша связка тоже продвигалась медленнее, потому что Берсеньев поднимался по всем правилам подъёма по ледяному склону: тщательно рубил ступени, медленно и надёжно переставлял ноги. Мне даже показалось, что во всех его движениях был какой-то автоматизм, выраженный в вызывающей раздражение, повторяющейся тщательности всех приёмов восхождения. «Но так, наверное, и надо», — подумал я.

Во время короткого привала (по глотку кофе) Капитан с плохо скрытой тревогой сказал, что

график восхождения нарушен и опоздание составляет минимум 3 часа.

7 часов до трагедии

После привала первая связка пошла значительно быстрее и вскоре скрылась из виду, достигла вершины, установила вымпел и сразу же начала спуск. Мы в это время находились на расстоянии 250-300 метров от вершины вниз по склону.

Дышать стало заметно труднее, разрежённый ледяной воздух, проникая сквозь почти полностью покрытую льдом шерсть маски, вдруг стал вязким, лишь с частыми глотками поступая в лёгкие, руки и ноги внезапно стали тяжёлыми и даже как бы чужими, но наши связки, стуча ледорубами, упрямо продвигались к вершине.

Собрав всех, Капитан объявил о немедленном спуске в лагерь. Все, кроме Берсеньева (который безучастно, по крайней мере, с виду, выслушал это), запротестовали, было обидно до злых слёз; и даже заверения, что восхождение будет зачтено всем, никакого утешения не принесли и казались ненужными.

4 часа 30 минут до трагедии

Спустившись метров на 150, сквозь внезапно разорванные облака мы с пугающей неожиданностью увидели неестественно

багровое солнце, предзакатные лучи которого ярко осветили ранее скрытый за облаками и снежной пеленой склон.

То, что открылось, повергло многих из нас в состояние, близкое к шоку, — никто не увидел лагеря! Вместо одного скального гребня, возле которого мы поставили лагерь и которого, как нам казалось, мы придерживались при подъёме, вдруг увидели несколько гребней, удивительно похожих друг на друга.

В неровном свете стремительно падающего за горизонт солнца чёрные скалы на мгновение сложились в дьявольскую ухмылку, и сквозь гул я явственно услышал издевательский шёпот Горы: «Ну и что теперь?»

Только сейчас мы осознали, какую ошибку допустили, не оставив никого в лагере. Капитан уверенным (как показалось, больше для самого себя) жестом указал направление спуска.

1 час 20 минут до трагедии

Все три связки шли не друг за другом, а параллельно в пределах видимости.

На первый взгляд, ничего не изменилось, но даже на расстоянии в движении связок ощущалась какая-то суетливая нервозность, неуверенность, что ли... Берсенев вдруг стал чаще останавливаться и дёргать страховку, срывая меня и Лейтенанта, что стало вызывать сначала

глухую, а потом и неприкрытую злость, будто именно он был виноват в том, что я так и не был на вершине.

Тогда я думал, что всё ещё впереди, и не мог знать, что это была первая и последняя ГОРА в моей жизни!

После очередного рывка я вдруг услышал изменившийся до неузнаваемости голос Берсеньева и, подобравшись, увидел, что ледоруб он не держит, и тот просто висит на петле. Более того — рука была без рукавицы, которая висела на резинке, и цвет руки напоминал стеариновую свечку. Он с трудом стоял на ногах и, кажется, даже не заметил, что я уже возле него.

Лейтенант дёрнул меня за верёвку, как бы спрашивая: «Что случилось?»

Я отчаянно замахал руками и закричал, пытаюсь перекрыть гул и шум ветра.

Капитан подошёл необычайно быстро. Он попытался налить Берсеньева кофе из термоса, и тот сделал один глоток, потом кофе потёк по подбородку.

Не тратя времени на разговоры, связки были перегруппированы следующим образом: я, Водолаз и Оператор — Дахин, Лейтенант — Капитан, Берсенев и Анатолий.

Капитан приказал продолжать спуск по упрощённо-ускоренной схеме: страховка одним ледорубом — другие скользят вниз на длину связки. Это дало

ощутимые результаты: натечный лёд остался только на отдельных участках. Значит, до лагеря оставалось не более 250 метров, и забрезжила надежда на благоприятный исход восхождения.

Трагедия

Позже я узнал, что в это время у Берсеньева начался бесвязный бред, он путал имена товарищей, беспорядочно-конвульсивно шевелил руками и через короткое время потерял сознание, бессильно обвиснув на руках Анатолия и Капитана. Я тогда не знал, что это были признаки тяжёлой высокогорной гипоксии, которые уже проявлялись у него во время летнего восхождения.

Знали ли об этом руководители восхождения? Кто теперь скажет...

Сильнейшее переутомление, о котором я упоминал ранее, сыграло свою зловещую роль, многократно усиливая болезнь. Напрасные, да и совершенно ненужные в таких случаях попытки напоить его кофе, растереть лицо руками, встряхнуть, растормошить заведомо успеха иметь не могли и свидетельствовали о растерянности не только нас, но и руководителей. Единственным средством спасения в таких случаях был немедленный спуск вниз, хотя бы метров на 300, тепло, горячий чай...

А между тем невидимый бесстрастный метроном неутомимого времени отсчитывал последние, так необходимые всем драгоценные минуты!

В это время две связки, ещё не зная и, конечно, не осознавая случившегося, в оцепенении стояли у кромки обширного фирнового поля.

Смертельно-ледяное дыхание Горы охватывало стоящих, проникая под одежду и маски, пытаясь парализовать волю к сопротивлению и оставляя лишь чувство нестерпимого холода, связывавшего в мёртвый узел длинную цепь совершённых ошибок.

Наступила ночь. В горах она наступает внезапно, окутывая вязкой темнотой всё, что, кажется, ещё минуту назад было различимым, и в этот момент такой переход от света к тьме был просто ошеломляющим.

Собрав всех, Капитан глухим, но твёрдым голосом объявил, что ночевать мы будем на склоне. Мне вдруг показалось, что груз ответственности за жизни доверившихся ему людей не пригнул, а как бы, наоборот, приподнял его над всеми. Я, Дахин, Водолаз и Оператор по его отрывистому приказу лихорадочно рубили ледорубами пещеру, мешая друг другу, выгребали фирн руками. Наше прерывистое дыхание тонуло в гуле и свисте ветра, пот застывал на сильнейшем морозе.

В пещеру (собственно, она больше напоминала плохо вырытую медвежью берлогу или просто глубокую нору) втащили уже не подающего признаков жизни Берсеньева. Потом попеременно вползли Капитан, Анатолий, Лейтенант, Оператор и я. При тусклом свете единственного фонарика вскрыли аптечку. Это была стандартная аптечка общего пользования: бинты, вата, йод, какие-то таблетки... И даже, как говорили позже «диванные» альпинисты, если бы там были камфора, адреналин или ещё что-нибудь внутривенное, кто бы из нас, не имея малейшего понятия, мог бы всё это использовать?

Изо всех сил все пытались отогреть медленно остывающее тело Володи Берсеньева.

Сейчас я уверен, что тогда ему помочь было уже просто невозможно и (как это ни жестоко говорить) нужно было думать о максимальной возможности спасения остальных. Лучше было бы для всех, если бы на вершину пошли только две связки: Капитан, Анатолий, Лейтенант и Водолаз. Трагедии можно было бы избежать, но для этого нужно было бы согласие Берсеньева, которое он, конечно же, не дал бы.

Для него трагедия уже закончилась, для других, пока ещё не подозревающих об этом, её кошмар только начинался. Капитан, Анатолий и Лейтенант

пытались делать искусственное дыхание рот в рот. Я безуспешно растирал оголённую грудь и слушал, поступает ли воздух в лёгкие. Примерно через полчаса я сказал, что воздух в лёгкие не поступает. Это были первые произнесённые за всё время слова в гнетущей тишине пещеры.

Почти час Капитан и Анатолий, всё ещё не веря случившемуся, продолжали дышать в рот уже остывшему к тому времени товарищу.

Как-то очень буднично, устало и без выражения Капитан произнёс:

— Толик, он мёртв.

Оператор коротко, придурочно вскрикнул.

Чувство, испытанное мною при этих словах, я больше не испытывал никогда. Ближе всего это было к ощущению отстранённости, как будто всё это происходит не со мной, и к какому-то непонятному, граничащему с постыдностью (потому что ни ощущения безвозвратной потери, ни страха не было) облегчению, как после неприятной и тяжёлой работы. Вынужден заметить, что это состояние, будто все чувства, казалось, навсегда замёрзли, сохранилось ещё несколько дней и, по-видимому, не только у меня.

А между тем Водолаз и Дахин спали рядом в отдельно вырытой пещере и ещё не знали, что нас стало на одного меньше.

Мы лежали молча, было темно и страшно холодно. Спали ли

мы — не знаю, скорее, это было краткое забытье при полной потере чувства времени. Все ждали рассвета в какой-то безумной надежде, что утром всё будет по-другому, что случившееся не более чем дурной, кошмарный сон. И вдруг, во время очередного тяжёлого забытья, я услышал шёпот, да-да, шёпот — и сразу узнал его. Это был шелестящий, схожий с пением позёмки голос Горы: «Ему уже не помочь... срежь кошки... срежь кошки».

И я, практически не отдавая отчёта себе и даже не понимая зачем, — сделал это.

9 часов после трагедии

Рассвело, но ясное морозное утро, вопреки тайным ожиданиям, только подчеркнуло произошедшее, благодаря вывешенным Горой разорванным траурным лентам чёрных скал на фоне слепящей белизны склона, местами подсвеченного розовыми бликами первых лучей солнца.

Дахин, всё ещё не веря случившемуся, молча стоял над телом друга, и слёзы, скатившиеся на штормовку, почему-то не замерзали.

Для спуска, ещё крутого, но уже по скальным гребням, снова перегруппировали связки. Дахин, Оператор, Лейтенант. Я и Водолаз. Капитан и Анатолий с телом Берсеньева.

Наша связка первой достигла лагеря. Палатки были почти пол-

ностью заметены, вход в пещеру завален снегом. Подав сигналы другим группам, принялись откапывать палатки. Вскоре подошли все. Несмотря на трагизм ситуации, на миг показалось, что мы вернулись домой после долгого отсутствия.

Ещё при спуске я отметил, что у Водолаза тоже отсутствуют кошки на ногах. На мой вопрос он ответил, что ночью при спуске у него на правой ноге лопнул ремень, а левую он снял уже в пещере. Мы оба ещё не знали, что это спасло наши ноги от сильного обморожения. Согрели чай, кофе, какой-то сборный суп, который съели, не чувствуя вкуса. Я в этот раз спал в пещере и должен признать её более комфортные условия.

Тело Берсеньева лежало возле палатки — чужое, безмолвное, холодное, с белым лицом, на котором не таяли редкие снежинки.

20 часов после трагедии

Через час, когда стали снижать трикони, несмотря на продолжающуюся отупелость сознания, поняли, что пришла новая беда: ноги у всех были обморожены. Всю ночь пытались их отогреть и растереть, били сложенным шнуром для восстановления чувствительности.

Я лежал в пещере и в полузабытьи слушал страшную ледяную сказку Горы, которую

пыталась рассказать разыгравшаяся к ночи метель.

Из ребят мало кому удалось сомкнуть глаза: пришла тупая, изматывающая, ни на минуту не прекращающаяся боль обмороженных ног. Стонov не было слышно, но эта боль, как будто пропитав весь окружающий воздух, ощущалась физически и, вместе с чувством бессилия помочь друг другу, казалось, выжигала затуманенное сознание.

1 день и 14 часов после трагедии

К утру ноги у всех, кроме меня и Водолаза, потемнели и распухли. Переобуться в лыжные ботинки, с большим трудом отогреть, сравнительно легко смогли только мы, Капитану и Анатолию пришлось их разрезать.

Настроение у всех было подавленное, боль не ушла, но с наступлением дня ослабела, как бы обещая вернуться вечером.

Поразительно, но никто за это время ни разу не заговорил про Берсеньева, старательно избегая не только разговоров, но и отводя взгляды от него. А между тем он, ещё два дня назад живой, лежал здесь, рядом, уже припорошённый метелью.

Часть снаряжения (ледорубы, трикони, кошки) взяли с собой — всё остальное пришлось бросить. Спуск к лыжной пирамиде и первому лагерю занял часа три.

Почему не остался сопроводить тело Берсеньева вниз его

лучший друг Дахин, хотя он знал, что Капитан и Анатолий пострадали больше всех? Может, на пределе сил и чувств осталась просто покорность судьбе?

Ещё через два часа пришли измождённые Анатолий и Капитан с телом Берсеньева, обмотанным штормовкою. Капитан выразил возмущение тем, что группа ждала их, вместо того чтобы продолжать спуск, и приказал всем немедленно идти на вулканостанцию, а лично мне добраться туда как можно раньше.

Выбравшись на кулуар, я, не разбирая пути, закладывая вираж за виражом, помчался вниз. Вдруг, почувствовав резкий удар и пролетев в облаке снежной пыли метров 15, я с трудом поднялся. Обе лыжи были разбиты вдребезги.

По-видимому, из-за слепящей белизны склона и выжатых морозным ветром слёз я не разглядел припорошённый снегом скальный выступ. Испытывая лёгкое головокружение, я вдруг отчётливо увидел, что кулуары-морщины Горы сложились в ироничную ухмылку: «Эх ты... Ну, хоть им помоги, что ли...»

Одним часом ранее

И не друг, и не враг, а так...

В. Высоцкий

Перед началом спуска состоялся разговор Анатолия с Лейтенантом, судя по жестикуляции, на самых повышенных тонах. Много позже я узнал,

что Анатолий спрашивал его, как он, альпинист со стажем, не заметил состояния Берсеньева и симптомы горной болезни.

Реакция Лейтенанта оказалась, по моему мнению, предсказуемой. Я услышал только обрывки фраз в истеричном тоне: «Да идите вы все! Я подышать с вами здесь не собираюсь...»

И он, теряя равновесие и падая, в одиночку начал спуск вниз...

1 день 15 часов после трагедии

Отряхнувшись и протерев слезящиеся от белизны глаза, я увидел далеко внизу чёрные точки спускающихся товарищей. Вверх по склону были отчётливо видны две фигуры в некотором отдалении друг от друга. Не без труда поднявшись, я узнал в первой фигуре Капитана, который на коленях тянул за собой привязанное к лыжам тело Берсеньева.

Подошёл Анатолий — и я не узнал моего институтского знакомого! На меня глядело чужое осунувшееся лицо с чёрной щетиной, и лишь в глубоко ввалившихся глазах светилась неукротимая воля к жизни. Таким он навсегда остался в моей памяти.

Оба они как будто даже не удивились моему появлению.

Размотав верёвку, Капитан глухо и как-то буднично сказал:

— Впрягайся, Володя...

Совершенно некстати (несмотря на весь трагизм ситуации) вспомнилась картина Перова «Тройка», только в качестве коренника выступал я.

Тело Берсеньева оказалось на удивление тяжёлым — а может, это казалось мне? Оглядываясь, я видел искажённые болью и страданием лица товарищей и, изо всех сил стискивая зубы, чтобы не заплакать, твердил:

— Я тоже стану таким.

Наконец мы дошли до огромной вулканической бомбы возле конуса Стеллера*, где останавливались по пути вверх на короткий привал. Было решено оставить Берсеньева здесь, а мне как можно быстрее двигаться к вулканостанции.

— Ну а мы уж как-нибудь за тобой, да, Толик? — с невесёлой усмешкой сказал Капитан. Тот молча кивнул.

20 минут спустя

Из начавшейся метели прямо на меня вылетела собачья упряжка с вулканологом Фешиным. Мы обнялись, как друзья после долгой разлуки.

Я сказал ему, где ребята. Помедлив, он спросил:

— Он тоже там?

Потом сказал, что на вулканостанцию пришли Дахин, Водолаз и Оператор. Где Лейтенант, они не знают. Я пошёл

своим ходом, и вскоре мимо меня с лаем пронесли нарты с Капитаном и Анатолием.

Темнело. Ветер закручивал снежные хлопья в вихри, мгновенно рассыпающиеся и возникающие снова.

Я уверенно шёл по нартовому следу к вулканостанции.

1 час спустя

Уже на подходе навстречу мне снова выехал Валентин Фешин — искать Лейтенанта. Через час он вернулся. Пропавшего нашли собаки, резко свернув в сторону и залаяв.

Лейтенант сидел, прислонившись к небольшой вулканической бомбе, и то ли спал, то ли плакал.

Позже Водолаз рассказал мне, что слышал, как Капитан пустым голосом полуспросил Анатолия:

— Кажется, ещё один, да?

2 дня после трагедии

Вулканостанция Апахончич. Ночь. Метель.

За два дня ребята первый раз неохотно, но плотно подкрепились горячей пищей и пытались забыться в тяжёлом тревожном сне на полу, подстелив всё, что нашлось.

Неровное дыхание смешивалось с приглушёнными стонами, боль, как и обещала, вернулась.

С особым чувством вспоминаю атмосферу той ночи, берущее за душу чувство единения, как будто трагедия сплотила нас, сделала ближе. Чем мы могли поддержать и что сделать друг для друга тогда? Подать кружку воды, поправить изголовье с ободряющим взглядом и скупым, вполголоса, дружеским словом...

За заметённым снегом окном далёкое зарево с пушечной канонадой, вспыхивающая на стене надпись «Внимание! Идёт землетрясение!» и донельзя усталый голос Валентина Фешина, монотонно и безуспешно повторяющего по рации: «Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! На вулканостанции Апахончич обмороженные люди...»

И вдруг мне снова представилось: прифронтовой госпиталь в деревенской бревенчатой избе, линия фронта за окном и охрипший голос радиста: «Звезда, Звезда, я Земля! Звезда, я Земля!»

2 дня и 12 часов после трагедии

Тёмно-зелёный МИ-8 с красной звездой почти бесшумно буквально вывалился из круговерти метели. Дойти до вертолёта самостоятельно смогли я и Водолаз, да ещё Оператор, поддерживаемый с двух сторон. Остальных несли на носилках.

Из иллюминатора последний раз в жизни я увидел Гору, на

этот раз бесстрастную, молчаливую, в спокойствии наевшегося спящего зверя. «Даже не попрощалась», — вдруг подумал я.

Через час мы уже были в районной больнице посёлка Ключи.

Больница

Не хочу погружать вас в атмосферу монотонности и однообразия, связанного со сводящей с ума непрекращающейся болью, пребывания в районной больнице. Бессонные ночи с бутылками фурацилина, на короткое время смягчающего боль, утренние перевязки, после которых ребята ещё пару часов лежали молча, с крепко сжатыми челюстями.

Отмечу лишь беспримерное (не боюсь этого газетного слова) — да, беспримерное мужество наших лидеров Анатолия и Капитана, которые, ежедневно перенося нечеловеческие страдания, находили силы и нужные слова, поддерживая остальных, делали примитивную гимнастику в кровати и заставляли других. Очень скоро Оператор, верный себе, уже вовсю флиртовал с молодыми медсёстрами. И только Лейтенант, заросший рыжеватой щетиной, всегда лежал молча, по возможности повернувшись к побелённой больничной стене.

Отдельно хочу остановиться на персонале больницы, особенно на хирурге Иване Андреевиче Постригань. Ежедневно он совершал врачебные чудеса при

крайне ограниченных возможностях районной больницы, спасая каждый миллиметр поражённых конечностей, шутил, острил, подбадривал как мог. Именно ему я и Водолаз обязаны тем, что избежали ампутации. Вечная память Вам, Иван Андреевич.

Из больницы я дал родителям ну очень содержательную телеграмму:

— Всё в порядке. Лежу в больнице на Камчатке с обмороженными ногами.

Поставьте, дорогой читатель, себя на место родителей, которые ждали меня домой на каникулы.

Возвращение

Через две недели я вернулся во Владивосток.

Возвращение нельзя было назвать лёгким. Как вам описать боль в потухших глазах матери Берсеньева и безмолвный вопрос в глазах его отца... Мне так хотелось ему крикнуть:

— Да! Да! Он был лучше меня! Мне просто повезло!

Но я не мог...

Этот же порой неприкрытый вопрос я ловил в поспешно опущенных глазах однокурсников: «Почему ты здесь, а он там? Почему ты жив, а он нет?»

Что я мог им сказать? Что? Ну а если бы я погиб вместо него, было бы лучше, что ли?

Только теперь я понимаю, что они впервые столкнулись так

близко со смертью однокурсника, для многих — друга и товарища, с которым общались ещё месяц назад. Неприятие этого, растерянность, граничащая с испугом. Ну и, конечно, наше извечное «Кто виноват?»...

Я действительно тогда вернулся один, и всё, что случилось, воспринималось только с моих слов — пока просто слов!

Верить или не верить — непростой выбор стоял перед каждым.

Могилу для Володи копали однокурсники под руководством Юры Марушко (Джорджа), как бы отдавая последние скорбные почести погибшему товарищу.

Работа была очень тяжёлой: зима, крупные каменные глыбы; могила была готова через три дня, за два часа до похорон. В день похорон шёл снег.

Стоя рядом с гробом на открытой машине при крутом подъёме на заснеженный склон Морского кладбища, я вдруг увидел усмешку Горы, и, клянусь, она, показалось мне, сочувствующе прошептала:

— Не вини никого и себя тоже... так уж сложилось...

Вместо эпилога

*Но спускаемся мы
(кто — на год, кто — совсем)...*

В. Высоцкий

Вскоре вслед за мной выписался из больницы и вернулся

домой Водолаз — Валера Коробков. Остальные выписались значительно позже, последним — Анатолий, почти через полгода.

Оператор потерял два пальца на ногах и три на правой руке. Его недоснятый фильм хранится у меня на диске.

Капитану, Дахину и Лейтенанту ампутировали четверть стопы на каждой ноге.

Анатолий Скригитиль потерял половину стопы на обеих ногах. Уже через полтора года он опять был на восхождении!!!

Спустя год при тяжёлой для обоих встрече Капитан кричал:

— Да, я виноват! Тысячу раз виноват! И наказан за это инвалидностью! Но где были вы все?! У нас же не армия! Почему никто не возразил мне?! Ни разу!

Что мог я ему сказать...

Я специально не называю виновников трагедии, как это «успешно» делали до меня, оставляя это Читателю.

Да и надо ли это?

Послесловие

Вот уже более 50 лет каждую весну я теряю ногти на правой ноге, и каждую весну в начале февраля мне снится один и тот же сон — заснеженный склон Горы со скальными гребнями, как с чёрными обломанными резцами, и сложенными в равнодушно ждущую усмешку морщинами кулуаров.

Примечания

***Вулкан Ключевской** — самый высокий действующий стратовулкан Евразии. Высота его колеблется от 4750 до 4850 м над уровнем моря.

***Кукуль** — спальный мешок, сшитый из шкур оленя мехом внутрь. Позволяет спать в любую погоду и при любой самой низкой температуре.

***Фирн** — плотно слежавшийся, многолетний, частично перекристаллизованный снег.

***Трикони** — стальные зубчатые набойки на подошвы горных ботинок для альпинизма, как правило, целиком охватывающие рант подошвы.

***Кошки** — металлические пластины с клиновидными зубьями для противоскольжения по ледовому склону, со строповым креплением на обувь.

***Связка** — группа альпинистов, связанная одной страховочной верёвкой. Связка-тройка является самой надёжной, но скорость её ниже, чем у двойки.

***Гипоксия** — кислородное голодание, основной патологический фактор горной болезни. Усугубляющие факторы — физическое переутомление, охлаждение, тяжёлые погодные условия (мороз, ветер), бессонница. На Камчатке в условиях морского влажного климата симптомы гипоксии могут проявляться уже с высоты 1500 метров.

***Бомбы** — сгустки лавы, выброшенные при извержении, частично или полностью затвердевшие в полёте.

***Конус Стеллера** — побочный кратер вулкана Ключевской.